

G.A. Loshakova (Russia, Ulyanovsk)

ABOUT THE RECEPTION OF RUSSIAN SOVIET LITERATURE IN EAST GERMANY: ERWIN AND EVA STRITTMATTER

The integrative nature of the reception of Russian and Soviet literature by writers of the GDR is noted. A striking example is creativity of Erwin and Eva Strittmatter. In the early works of E. Strittmatter (1950s) it's possible to find some analogies with the works by M. Gorky and M. Sholokhov. In the prose of 1960s – 1980s E. Strittmatter is typologically close to the prose by K. Paustovsky and M. Prishvin. Ontology of Eva Strittmatter's poetry also brings her closer to the works by Prishvin.

Keywords: *reception, the integrative nature of prose, differentiated process, typological resemblance, Erwin Strittmatter, Eva Strittmatter.*

УДК 82-31

A.B. Макарычев (Россия, Самара)

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СТОИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В РОМАНЕ Ю. ДОМБРОВСКОГО «ФАКУЛЬТЕТ НЕНУЖНЫХ ВЕЩЕЙ»

В статье стоицизм понимается как идейно-философская основа романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей». Рассматриваются формы репрезентации стоической философии в романе, проводится анализ стоических мотивов (неподчинения, сопротивления, прощения, самоубийства и др.). Через анализ стоических мотивов выстраивается нравственный облик главного героя – Георгия Зыбина. Устанавливается значение стоицизма в художественном мире Ю. Домбровского.

Ключевые слова: *Юрий Домбровский, «Факультет ненужных вещей», стоицизм, стоические принципы, мотив.*

Стоическая философия, зародившаяся в III в. до н.э. в Афинах, добралась до России достаточно поздно: наиболее древние источники, найденные на территории России, датируются XI веком н.э.

[Тыжов 2012: 26] интерес к стоицизму возрос в XVIII–XIX веках, а в XIX–XX веках он прочно сплелся с именами Л.Н. Толстого, В.Г. Черткова, Б.Л. Пастернака [Джагалов 2007; Николаева 2007], а также Ю. Домбровского, чей интерес к стоицизму трудно не заметить.

Переживший три заключения и ссылку, Ю. Домбровский всегда оставался, по словам очевидцев, стойким, жизнерадостным, полным надежды, готовым прийти на помощь человеку. В его текстах неоднократно упоминается Сенека, а многие стоические принципы становятся краеугольными для воззрений и судьбы некоторых его персонажей, оказавшихся в одном пространстве с карающей системой, в разных ее воплощениях. Это и натолкнуло нас на мысль о необходимости исследования стоических мотивов в прозе писателя.

Стоические мотивы в текстах Ю. Домбровского уже подвергались научной рефлексии со стороны исследователя Джеймса Вудворда в статье “A Russian Stoic? A Note on the Religious Faith of Jurij Dombrovskij” [Woodward 1992]. В российском научном пространстве нам не удалось найти исследований на эту тему. В данной статье мы попытаемся выявить и проанализировать стоические мотивы в романе Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей», где, как нам кажется, автор достаточно многогранно отразил понимание стоической философии.

Стоическая философия затрагивает ряд важных вопросов: что такое благо? как различить добро и зло? какие ценности нужно иметь? каким целям следовать? Стоиков также интересовали и вопросы устройства Вселенной, устройства человеческой души и т.д. В поисках ответов на поставленные вопросы стоики разработали многоуровневую концепцию построения философии. Их философское учение состоит из трех основных компонентов: физика, этика и логика. Из этих трех направлений принято выделять три дисциплины (желания, действия и согласия) [Пильюччи 2018: 30–31] и четыре добродетели. Под добродетелью исследователь Гусейнов понимает «высший уровень детерминации поведения». [Гусейнов 2003: 220] Эти четыре добродетели у стоиков носили название «основных», или «первичных». Современный американ-

ский философ Массимо Пильюччи называет эти добродетели: доблесть, умеренность, справедливость и разумность [Пильюччи 2018: 30-31]. Дадим им определения: а) доблесть – это понимание, исходя из совокупности фактов, что необходимо предпринять, а чего стоит остерегаться; б) умеренность – это самообладание, позволяющее сдерживать свои желания и направлять их в сторону достижимого; в) справедливость – исходит из надлежащего понимания этики, что помогает понимать, чего придерживаться, а чего нет; г) разумность – способность определить отношение к чему-то как к «добру», «злу» или «ни тому, ни другому». Согласно стоикам, следует пользоваться добродетелями как инструментом для достижения конечной цели человеческой жизни – счастья. Вокруг этих четырех добродетелей стоики формировали принципы, которых необходимо придерживаться: 1) *жить согласно природе (вести социальную жизнь и помогать другим людям; заниматься тем, что полезно, т.е. тем, что изначально свойственно человеческой природе, например, искусством); 2) совершать надлежащие поступки, которые должны быть обоснованы и ценны своим намерением; 3) понимать, что находится в человеческой власти, а что – нет; 4) относиться к смерти со смирением; 5) при невозможности больше следовать своей природе иметь возможность совершить оправданное самоубийство.* Рассмотрев основные понятия стоической философии и выделив ряд принципов, приступим к анализу стоических мотивов в романе «Факультет ненужных вещей».

Роман «Факультет ненужных вещей» стал самым важным произведением Ю. Домбровского, над которым он работал 11 лет (1964–1975). Сам он говорил, что в данном романе он намерен описать собственную жизнь [Домбровский 1993: 701]. Главным героем романа стал Георгий Николаевич Зыбин – историк, археолог, сотрудник музея. Главной чертой литературы о сталинизме стала, конечно же, атмосфера нависшего страха: репрессий, задержаний, смерти, поражения в правах и т.д. Примерно в такие же условия переносит своего персонажа и Ю. Домбровский. Однако Зыбин не всегда поддается общему настроению, что особенно ярко раскрывается в диалоге с его возлюбленной Линой: «Ты гово-

ришь, что я треплюсь, а я ведь молчу, я как рыба молчу, но тут вы всем правы, я чувствую, что не смогу так жить дальше. Не смогу, и все, что как-нибудь каркну во все воронье горло» [Домбровский 1993: 120].

Мотив неподчинения часто проявляется в прозе Домбровского, что роднит его тексты с воззрениями стойков, ценящих свободу говорить и поступать так, как того требует совесть. Зыбин, следующий этому принципу, практически с самого начала подвергается преследованиям. Одно из первых столкновений Зыбина с правоохранительной системой происходит, когда ее представители приходят в музей, где он работает, для расследования дела о похищении найденного археологами золота. Зыбин был вызван в качестве понятого, что, однако, не спасает его от конфронтации. Археолог Зыбин, возмущенный небрежным отношением к археологическим находкам, делает визитерам замечание, а после начинает приказывать *«тихо и бешено»* [Домбровский 1993: 51]. Подобное поведение проявляется на фоне общего страха и допросов, проводящихся в музее. Однако Зыбин в первую очередь беспокоится не о себе, а о своем деле, тем самым совершая стоическое «надлежащее действие».

Следующий случай происходит уже во время задержания Зыбина, в конце первой части «Факультета». К нему и его спутнице Кларе подходят два человека из правоохранительных органов. Зыбин сразу понимает, что его арестуют, но встречает их в достаточно расслабленной позе: *«сунул руки в карманы и встал неподвижно, ожидая их»* [Домбровский 1993: 130]. Он стоически принял всю неотвратимость ситуации, что особенно хорошо заметно на контрасте с поведением Клары, которая пытается требовать у людей из органов документы и хочет пойти за помощью к директору музея. Интересно, что в данном эпизоде проявляется и другой мотив, противоположный названному выше, – **мотив смирения**. После задержания Зыбина начались допросы, которые занимают обширную часть повествования романе. Из них мы также можем вывести ряд стоических особенностей поведения Зыбина.

Рассмотрим первый допрос у следователя Хрипушина. Этот допрос состоял из ряда вопросов для установления личности за-

держанного. Здесь можно обратить внимание на повествование. Вопросы задаются единой чередой, в конце которой возникают требования: *«Подробно, подробно, подробно! Не торопиться»* [Домбровский 1993: 195]. Зыбин достаточно спокойно относится к происходящему, несмотря на нависшую над ним угрозу отправки в лагерь. Про себя он подмечает: *«...а терпения у меня воз и маленькая тележка»* [Домбровский 1993: 196], что также указывает на его готовность быть сдержанным до самого конца.

Рассмотрим ещё один достаточно показательный допрос у следователя Хрипушина. Допрос начинается с достаточно вежливых нот: следователь поинтересовался у Зыбина, как его здоровье, и получил ответ «хорошо». В тексте также сказано, что, когда Зыбин на это ответил, то он сел на свой стул, хотя находился в кабинете у следователя. Подобным приемом создается ощущение привычности ситуации, что помогает ощутить рутинность и видимую безопасность действий. Зыбин настолько спокоен, что спрашивает у Хрипушина зеркало, на что тот злится и начинает перепалку с применением силы. Интересно, что в этот момент происходит в голове у Зыбина (*«сейчас он ударит меня, а я дам ему по скуле и вышибу челюсть»*, *«после этого сюда ворвется банда будильников, ... свалят на пол и будут топтать, пока не превратят в мешок с костями»*) [Домбровский 1993: 232].

Заметим, что эти действия описываются как абсолютно неотвратимые, однако Зыбин смиренно принимает свою участь: *«Но тут уж ничего не поделаешь, не его на это воля!»* [Домбровский 1993: 232]. Здесь мы можем видеть пример стоической дихотомии контроля – способности отличить, что находится в нашей власти, а что нет. Другой вопрос, почему Зыбин, как стоик, не подавляет желание драться в ответ на рукоприкладство? Все-таки стоики стремились к ненасилию, т.к. тело человеку не принадлежит. Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к ещё одной сцене допроса.

В этом эпизоде Зыбина допрашивает помощник следователя, которого Зыбин называет «будильником». Зыбин достаточно спокойно воспринимает грубость, но нас больше интересует, как он воспринял рукоприкладство. *«Зыбин послушно поднялся, посмотрел на будильника и вдруг молниеносно схватил его за горло ...*

Продержал так секунду, ударил коленом в живот, мотнул, как дохлую соломенную куклу, туда и сюда и, заламывая подбородок, швырнул к двери» [Домбровский 1993: 248]. Он вступил в драку, что не свойственно стойкам. Но именно эта сцена интересна не только своим содержанием, но и построением: подобная последовательность событий была замечена нами в биографической статье «Жизнь Эпиктета» за авторством В.Г. Черткова.

Автор поместил ее в начало своей книги «Римский мудрец Эпиктет, его жизнь и учение», вышедшей в 1911 году в издательстве «Посредник». Итак, сравним: 1. В начале эпизода и Зыбин, и Эпиктет вежливо обращаются к своему оппоненту: Зыбин попытался попросить успокоиться, Эпиктет предупреждает, что Эпафродит рискует сломать ему ногу. 2. Оба получают удар в колено. 3. Эпиктет не сопротивляется, а Зыбин, в отличие от него, отвечает будильнику физически. 4. Реакция: Эпиктет спокойно говорит, что предупреждал о возможных последствиях, а Зыбин, тоже внешне спокойно, но все же угрожает: *«Одним словом так: если вы меня ещё ударите... Плохо будет»* [Домбровский 1993: 249]. Подобное построение сцены у Домбровского выглядит намеренным, т.к. мы можем наблюдать ряд сходных с «Жизнью Эпиктета» моментов (последовательность действий, изначально эпизод повреждения колена).

Мы можем предположить, что Домбровский мог читать работу Черткова (помимо этой статьи, нам больше нигде не удалось найти подобной сцены) и, сделав такую отсылку к ней, возможно, вступил в некий художественный диалог с Эпиктетом. Античный философ не считал, что стойку необходимо защищаться, Зыбин же (а если мы принимаем ту условность, что писатель описал свою жизнь, то, следовательно, и Домбровский) с этой стоической позицией не согласен и считает, что умение обороняться, характерное для сильного человека, тоже нужно.

Мы полагаем, что в этом эпизоде **мотив сопротивления** и эпизод драки возникают именно по этой причине. Подобное несогласие с классиком не дает нам права говорить, что Зыбина нельзя называть стойком, т.к. стоическая философия не догматична и допускает вариативность трактовок.

Во время избияния Зыбина на допросе ему в голову приходит следующая мысль: *«Жаль только, что следователи сейчас... не носят с собой браунинг, а то можно было бы и шутку сыграть и отделаться безболезненно»* [Домбровский 1993: 232]. Здесь мы можем выделить **мотив самоубийства**, который очень тесно связан с одним из стоических принципов, хотя стоики и приветствовали самоубийство только, если оно оправданно, а оправданно оно только тогда, когда человек больше не может следовать своей природе. В данном случае Зыбин вряд ли находится в безвыходной ситуации, но все же, как мы уже упоминали ранее, стоицизм допускает трактовки. И здесь важно также и то, как он спокойно относится к факту своей гипотетической смерти. В течение повествования Зыбин неоднократно ещё будет об этом говорить, например, в сцене, когда он подшучивает над лейтенантом Долидзе и угрожает «обложить матом»: *«Ну, меня, конечно, забьют сапогами – у вас же все тут рыцари. Но, как говорится в том еврейском анекдоте, «чем такая жизнь...»* [Домбровский 1993: 559]. Хотя эта фраза и иронична, все же в ней можно считать стоическим смиренное отношение к смерти.

Итак, проанализировав стоические мотивы в романе «Факультет ненужных вещей», мы можем реконструировать образ стоика в понимании Ю. Домбровского. Это человек, осознающий свою принадлежность к делу, оставаться верным себе и «своей природе» при любых обстоятельствах (для него подобными обстоятельствами является государственный карательный режим), сдержан, бесстрашен и терпелив в любой ситуации.

Библиографический список

1. Гусейнов, А.А. Античная этика. – М., 2003. – 559 с.
2. Джагалов, Р. Варлам Шаламов и пути советского экзистенциализма [Электронный ресурс] / Р. Джагалов // К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы конференции. – М., 2007. – С. 55-72. – Режим доступа: <https://www.shalamov.ru/research/98/>
3. Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. / Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. – М.: ТЕРРА, 1993. – 704 с.

4. Николаева, Н.А. Л.Н. Толстой и нравственная философия стоиков: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук: 10.01.01 / Инс. русс. литературы (Пушкинский Дом) РАН. – СПб., 2007. – 23 с.
5. Пильючки М. Как быть стоиком: Античная философия и современная жизнь; Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2018. – 279 с.
6. Салимгареев, М.В. Стоя и стоическое наследие в России (середина XIX – начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – М.: РГБ, 2005. – 230 с.
7. Тыжов, А.Я. Эпиктет, Симпликий и стоическая философия // Энхиридион (Краткое руководство к нравственной жизни). – СПб.: «Владимир Даль», 2012. – С. 5-53.
8. Эпиктет. Римский мудрец; [Сост.: В.Г. Чертков]. – М.: Амрита, 2018. – 80 с.
9. Woodward J.B. A Russian Stoic? A Note on the Religious Faith of Jurij Dombrovskij // Scando-Slavica. 1992. № 38. P. 33-45.

A.V. Makarychev (Russia, Samara)

**THE ROLE AND FUNCTIONS OF STOIC MOTIVES OF NOVEL
BY Y.O. DOMBROVSKY “THE FACULTY OF USELESS KNOWLEDGE”**

The article analyzes stoic motives in novel by Yuri Dombrovsky “The Faculty of Useless Knowledge”. Such motives are: a motive of disobedience, a motive of humility, a motive of resistance (fight), a motive of forgiveness, a motive of suicide, a motive of reflection and a motive of time. A brief overview of stoic philosophy is given and its principles are deduced. Through the analysis of stoic motives, the moral image of the protagonist of the novels George Zybin is built, which helps to understand how Yuri Dombrovsky perceived stoicism.

Keywords: *Yuri Dombrovsky, “The Faculty of Useless Knowledge”, stoicism, stoic principles, motive.*